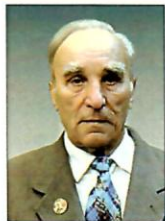

Вспоминают ветераны

СОЛДАТ ВСПОМИНАЕТ МИНУВШИЕ ДНИ

Дмитренко И.Е.,
доктор технических наук,
профессор

В феврале—апреле 1944 г. в составе 30 гвардейского корпуса я вместе с боевыми товарищами, после непрерывных боев с врагом, вошли в город Кёнигсберг, который сейчас называется Калининград. В подzemелье города еще располагались военные части противника, а также и штабные офицеры, не успевшие убежать, или они не верили в нашу победу и остались в окопах и подвалах домов. В городе проходили уличные бои. Это был штурм подземных крепостных сооружений, в которых засели вооруженные солдаты и офицеры противника, еще не осознавшие своего поражения.

Кажется вчера в подземных бетонных укрытиях мы с боем вытеснили немецких солдат и офицеров, окопавшихся там, по их высказываниям на очень долгие годы.

Лично мне приходилось не только участвовать в боевых операциях, но выполнять и другие функции. Владея немецким языком, я находился на переднем крае и проводил «воспитательную» работу с немецкими солдатами и офицерами. Из небольшого ручного рупора звучал мой призыв: «Война подходит

к концу, сопротивление Ваше бессмысленно, оно несет Вам большие потери, а ведь Вас ждут в Германии жены, родители, детишки. Ваша перспектива — сдать советским войскам в плен». Вместе с тем в моем рупоре звучали и имена тех немецких солдат, которые уже были пленены нашими войсками или добровольно сдались в плен без особого сопротивления.

Своеобразны были и суждения плененных немецких солдат. В какой-то степени они понимали бессмысленность сопротивления, но очень боялись возмездия гитлеровцев в случае дознаний о поведении того или иного пленного немецкого солдата или офицера.

Кроме того, пленные очень переживали за своих родственников, которых гитлеровцы смертельно наказывали за то, что их сын или брат сдался в плен советским войскам.

Но мы уже, накопив большой опыт в работе с пленными, которые в первые же минуты после пленения задавали один и тот же вопрос: «Когда меня расстреляете?», часто ссылались на то, что у нас имеется распоряжение высшего командования о правилах обращения с военнопленными. Так, что после определенного времени в русском плену пленные ощущали снисходительное отношение. Пленные рвались домой! Русская доброта и реальная действительность позволяли выполнять поже-

лания пленного. И немец давал письменную клятву, которая звучала так: «Я, немецкий пленный солдат, в боях за последнее время понял, что вести бои с советскими войсками бессмысленно, и надо приложить все усилия и умение покончить с этими бесчеловечными побоищами». Такое мнение, например, высказывали солдаты Эрих Кох и Иозеф Цандер, которых я, с разрешения высшего командования, отпустил «домой». Это очень трудная задача, обеспечить пропуск пленного через свои боевые порядки и немецкую оборону. Но эта задача была выполнена, подтверждением чему служит выступление одного из родителей пленного на встрече американских и советских представителей при открытии памятника встречи союзных войск на Эльбе (м. Торгуа), который подтвердил, что Цандер домой добрался. Но жизнь бежит неумолимо и предыдущие слова зовут к истории.

А она началась у меня со студенческих дней, когда услышав по радио о начале войны, мы, студенты одной из групп факультета электроники Ленинградского электротехнического института им. В.И. Ульянова (Ленина) в первые дни войны добровольно уходили на фронт. Среди них были студенты нашей группы Василий Судариков, Михаил Резников и др.

В первых же боях под с. Ивановское (Ленинградский фронт) мои друзья-студенты проявили стойкость и преданность своей стране. Эта стойкость проявилась в твердой уверенности в спра-

Зайцев Борис Валентинович
Захаров Владимир Васильевич
Климов Иван Андреевич
Климов Сергей Николаевич
Кочергин Алексей Николаевич
Купаев Вячеслав Иванович

Летяго Владимир Георгиевич
Павлов Юрий Анатольевич
Соколов Валерий Серафимович
Топчий Юрий Александрович
Царицынский Владислав Викторович

Поздравляем наших коллег с высокой оценкой их службы в Вооруженных силах России.

ведливости нашего сопротивления врагу, пытавшемуся захватить нашу родную землю. О стойкости наших солдат приведу один пример. Город голодает, от голода гибнут ленинградцы, не обошло это и солдат на передовой. Нам, солдатам, выдавали 150 грамм хлеба на день, и когда посчастливится, приносили на передний фронт канистру с жидким супом. Передовые позиции были очень близкими. Так, на участке «Невская дубровка», наши позиции были в 150–250 метрах от переднего края противника. Зная о нашей голодной жизни, немецкие солдаты часто по утрам, прикрепляли буханку хлеба к штывку винтовки и кричали: «Иван приходи есть — умрешь с голоду».

Наш ответ всегда был один — «огонь по противнику». Но война есть война. Она требует сведений о противнике. И даже в этом полуголодном состоянии, при холодной зиме, а тогда (в декабре-январе 1941 г.) была температура на участках переднего края 35–40° мороза.

Но приказ есть приказ. Мы вместе с командиром взвода обдумывали вопрос как захватить пленного.

Анализ поведения противника на переднем крае показал, что пунктуальность немцев, о которой часто говорилось в печати, может обеспечить в определенных условиях и успех. Так, было установлено, что немцы обедают в один и тот же час (12 час. дня), затем, оставляя на вахте одного или двух солдат, все идут в землянку на отдых. Этим мы и воспользовались. Мы, четверо солдат, к 11.30 ползком добрались до переднего края и после 12 часов, убедившись, что немцы ушли отдыхать, а в траншее караулит только один солдат, тихо прорезав проволочное заграждение, мгновенно напали на караульного солдата и связали его, заткнув рот портянкой. Стрелять было опасно.

Один из нас охранял караульного, а трое вошли тихонько в бункер (землянку) немцев, которые спали или нам казалось, что спят.

Одного из немцев, заткнув рот портянкой, в чем мать родила, утащили. Но, когда мы перешли обе передовые линии, немцы подняли тревогу и мы были обстреляны непрерывным огнем противника. И, не смотря на то, что двое из нас, я в том числе были легко ранены, пленный был доставлен в штаб дивизии. Многие недоумевали почему он голый, а сам пленный при опросе

Майор Дмитренко И.Е.,
г. Кёнигсберг, апрель 1944 года

ставил один вопрос: «Почему я здесь, кто меня раздел?»

Это было мое первое участие в боях, за что я был награжден медалью «За боевые заслуги».

В последующие годы, вплоть до 13 января 1944 года, мы, воины Ленинградского фронта, крепко держали оборону, так, что многочисленные попытки взять город, всегда заканчивались поражением врага. Голодные, в холоде и постоянной атаке, ленинградцы отстояли свой город.

Картины были страшные. Так, выписавшись из госпиталя после ранения, я впервые ощутил состояние его жителей. Умершие люди на улицах, мертвы все постройки, постоянный обстрел и разрушение строений города указывали на ту сложность, опасность и чрезвычайность ситуации, которую могут преодолеть только настоящие патриоты своей Родины, способные отдать все свои силы и жизнь за свой многострадальный народ.

Так продолжалось три с лишним года. И вот наступил 1944 г. Год прорыва блокады Ленинграда, год кровопролитных боев, громадных потерь личного состава и техники, которая какими-то особыми методами поступала в осажденный город.

В очередных боевых сражениях я был снова ранен.

Ранение — не тяжелое, но очень болезненное — пуля «фрица» попала в лицо, были выбиты несколько зубов, но наш солдат всегда думал о Победе, быстрейшем выздоровлении.

Прошло несколько недель лечения, командир, прибывший к нам в госпиталь за выздоровевшими спросил меня: — «Немецкий знаешь?»

— Я ответил: «Не очень знаю, учил этот язык в рабфаке в Донбассе, затем в институте, но врага надо не учить, а умело уничтожать».

«Победу можно одержать и словами», — подчеркнул офицер.

Так, я был зачислен на курсы немецкого языка в Доме Офицеров на Литейном проспекте Ленинграда. Прошло три недели, мы (переводчики), приобрели практический разговорный язык, пригодный для беседы с пленными, а также для передачи информации противнику на переднем крае.

Я снова был зачислен в действующую армию в 5-й стрелковый батальон сержантом.

Война есть война! Командование 2-й ударной армии было озабочено тем, что давно у нас нет пленных. «А ты все агитируешь», — говорили мне командиры.

И правда, часто мне приносили репродуктор, и давали рекомендации, что следует сказать немецким солдатам.

Так, выступая на переднем крае, обычно в часы затишья, я говорил солдатам противника о бессмысленных их порывах завоевать советский народ, о том, что они должны прекратить бессмысленную войну, вернуться быстрее домой к семьям и честно трудиться на благо своего народа.

Сначала нашу передачу немцы встречали огнем, затем стали слушать наши передачи, при этом затихал даже пулеметный огонь противника. И так, после короткого изучения немецкого языка я был назначен на должность старшего инструктора политотдела 48-й отдельной Морской стрелковой бригады. На всю жизнь остался в памяти бой за остров Рюген в Прибалтике, где еще раз мы, советские солдаты, проявили стойкость при овладении этим островом. Вместе с тем, убедились в бесчеловечности противника. На острове наши солдаты обнаружили более 120 убитых немцами лошадей — тягачей для пушек. И когда я спрашивал пленных немцев,

(Окончание на 4-й стр.)

(Окончание. Начало на стр. 2)

СОЛДАТ ВСПОМИНАЕТ МИНУВШИЕ ДНИ

разве вам не жаль и не стыдно было убивать не в чем не повинных животных, они отвечали: «Такой был приказ.» Беседы об этом с солдатами, воспоминания о других зверствах немецких солдат и офицеров, заставляли их, как говорится, по-русски, каяться и доказывать, что это были приказы немецких командиров. Часто это приводило немцев в замешательство — они начинали проклинать войну. И тут у меня возникала мысль о том, чтобы передачу вели немецкие пленные, после определения темы и содержания их выступлений.

Так было, например, с солдатом Иозефом Цандером, родные которого жили в городе Аахен (север Германии).

Это были очень эффективные беседы. Часто пленные в передачах доказывали, что русские пленных не уничтожают, что немецкие солдаты и офицеры ведут бессмысленную войну и ее надо как можно скорее закончить, в том числе, переходить на сторону советских войск. Мне сейчас трудно назвать точное число сдавшихся в плен нашему корпусу, но их был не один десяток.

В начале 1944 г. войска Ленинградского фронта начали наступления на противника на очень широком фронте.

Это были бои за освобождение городов Ораниенбаума, Пскова, Нарвы, Риги, Таллинна, Каунаса вплоть до Кёнигсберга. В частях 48-й Морской стрелковой бригады, куда я был назначен после второго ранения, нашим солдатам пришлось познать горечь за смерть наших соотечественников. Нам приходилось освобождать из плена наших изможденных соотечественников, с горечью наблюдать за лежащими во рвах русскими пленными, расстрелянными немецкими войсками.

В тяжелых боях, проливая кровь, проявляя мужество и любовь к своей Родине, наши люди добивались победы и свободы не только советскому народу, но и народам других стран. Трудно не вспомнить о лагерях военнопленных

в Польше (Познани, Лодзи и других городах), где наши солдаты со слезами на глазах видели, как в лагере военнопленных лежали полуживые пленные, просящие помощи и даже об умерщвлении, избавления от мук. Такова была судьба тех, кто попал к противнику в плен, кто на своих муках убедился в зверствах и бесчеловечности тогдашних «завоевателей» мира.

Вспоминая о тех чудовищных деяниях врага, с чистым сердцем скажу, что они побудили у нас, русских, чувство человечности, заботы о том, чтобы исключить зверства в человеческом обществе нашей многострадальной земли.

С этим чувством я вспоминаю конец войны, когда немецких военнопленных в Ленинграде направляли восстанавливать ими же разрушенные дома, предприятия, трамвайные линии и др.

Я свидетель этих работ и отношений к пленным. Было трудное время, но пленных немцев кормили, с пониманием относились к их просьбам и переживаниям. В последующем немецких пленных отправляли на родину.

И эту русскую доброту и человечность я познал уже на работе после войны в Германии. Советские войска в Германии, Советская военная администрация делала все, чтобы помочь немцам поправить свои дела после войны.

1945 год — голодный год для многих стран мира, в том числе и Германии.

Так, после боевых сражений мне, как и многим другим моим коллегам, работающим в советской военной администрации в Германии (СВАГ) пришлось помогать ее жителям. Помню, как мы, бывая в деревнях, утверждали, что война безвозвратно закончена, наступают мирные дни, требующие новых решений. Я, уже тогда не «пропагандист» среди немецких солдат, а референт советской администрации по партиям, профсоюзам, церквям, печатной и устной пропаганде, занимался прове-

дением земельной реформы — чрезвычайно сложной, большой и ответственной задачей. Многие немцы еще не опомнились от войны, а тут еще беженцы, а надо было решать сложную задачу — удобрить землю, посеять вовремя и получить хороший урожай, так как рассчитывать на какую-то помощь бывший враг не мог.

Газеты, например, News Dentschland призывали брать и обрабатывать землю. Дела шли медленно. Тогда к этой работе привлекается церковь. Помню, в здании у Брандербургских ворот собрались священники с проповедями: «Земля послана богом, ее надо обрабатывать». Народ прислушался к этим призывам, землю стали обрабатывать, началась новая трудовая жизнь. А ведь немцев в лодырничестве никак нельзя обвинить.

Взялись за дело и оно было выполнено. В этой работе пришлось участвовать и нашим работникам. Мы часто посещали деревни, вели беседы с жителями, оказывали посильную помощь в организации весенних работ. И как потом выяснилось, они принесли добрые результаты.

В организации различных мероприятий в Германии, оказании помощи становления нормальной жизни внесли значительный вклад центральные органы СВАГ. Доброта и порядочность привита русским многими столетиями нашего героического народа. Заканчивая воспоминания, хотелось бы отметить доброе отношение к этим мероприятиям командующего советскими войсками в Германии маршала Жукова, начальника СВАГ — Тюльпанова и многих наших воинов, отстоявших свободу и независимость не только народов нашей родины, но и народов других стран Европы и Азии. Все это и заставило автора этих строк вспомнить о великом подвиге советского солдата, народов нашей великой многонациональной Державы.